

Владимир Лузгин

**АЛФАВИТ
ГРЕШНИКА**

Часть 2

Владимир Лузгин

Алфавит грешника. Часть 2. Было Не было Могло

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43701251

*Алфавит грешника. Часть 2. Было Не было Могло: НЕФОРМАТ;
Оттава; 2019*

Аннотация

Стихи, представленные в книге, структурированы по алфавиту. Это позволяет легко найти понравившиеся строфы, возвращаться и перечитывать снова.

Новизна подачи содержания, так же как и легкость слога, отработанность фраз, многогранность творческих находок, хороший русский язык – отражают суть авторского видения и поэзии Владимира Лузгина в целом.

Лирика поэта проникнута высокой гражданской позицией и искренней болью сердца за происходящее вокруг и сейчас.

Высокий стих и афористичность, ирония, философские размышления и отступления, всесторонне охватывающие исторические эпохи – от древности до настоящих дней – читаются легко и, безусловно, доставят удовольствие любителям и знатокам поэзии.

Содержание

А	9
«Адвентист седьмого дня...»	9
«Ай да, ветер, злодей...»	11
«Алкаю, жажду, вожделею...»	12
«Аль не хватит ныть-стонать по безделице...»	13
«Ангел божий с женским телом...»	14
Б	15
«Баланс нетрудно подвести...»	15
«Без раздумий ты мне отпустила грехи...»	17
«Без табака. Без денег. Без жены...»	19
«Белокурою бестией ей бы петть на подмостках...»	21
«Белый ворон. Тьму ночную...»	22
«Близится последняя черта...»	24
«Богиней сшедшей с пьедестала...»	25
«Бодр и счастлив друг мой перший...»	26
«Боже мой, какое утро!...»	27
«Боль мою как ливнем смыло...»	29
«Бренчит струна шальной гитары...»	30
«Брось, пойми, понапрасну поёшь...»	31
«Будь я проклят на полный срок...»	33
«Был спрятан в скалах высоко...»	35
«Было. Не было. Могло...»	38

«Бывает как будто бы всё – дежавю...»	40
«Бьётся сердце магнитною стрелкой...»	41
В	43
«В годы свальные, годы запойные...»	43
«В этой жизни, в этом мире...»	44
«Вдали стихает голос басовитый...»	46
«Ведь даже в бездне ада канув...»	48
«Век 21 мимоходом...»	49
«Веселитесь, господа...»	52
«Ветер кудри мои озорно ворошит...»	53
«Ветрено. Сыро. С тропы ветерок...»	54
«Ветер к ветру, словно люди...»	55
«Ветры счастья утихли в потаённых углах...»	56
«Вечно с нами, вечно в теме...»	58
1	58
2	59
«Власть, окроплённая кровью детей...»	60
«Внешне грозная, словно гюрза...»	61
«Внёс святые мощи...»	62
«Во тьме я был, смешавшись с тьмою...»	65
«Война ли у границ маячит...»	66
«Воровской семьей оговорено...»	68
«Волна укачивает зыбкой...»	70
«Вопит, вопит испуганным животным...»	71
«Восьмой волны как не бывало...»	72
«Вот и время наступило...»	73

1	73
2	73
«Врачей озвучен приговор...»	76
«Всегда так было или нет?...»	78
«Вселенной дела нет до нас...»	80
«Всерьёз я в юности едва ли...»	81
«Вспорхнули, кинувшись гурьбой...»	83
«Всего лишь побег от большого корня...»	85
«Всевышнего деяния мудры...»	87
«Всю ночь в бесчинствах кутежа...»	88
«Выпал я из братвы, как птенец из гнезда...»	90
«Вырвать ноздри бы мне да на лбу...»	91
«Выслушивает молча бог...»	93
Г	95
«Гадай, цыганка, картами шурша...»	95
«Где отыскать такой сюжет...»	97
«Гитара дерзкая хмельной шалавою...»	98
«Главное – выжить любой ценой...»	99
«Глаза сквозь черный глянец приоткрыв...»	100
«Глядим на мир мы все по-разному...»	101
«Годы младенчества помнятся смутно...»	103
«Голову на руки к ночи клоня...»	104
«Господь меня вёл сквозь пустыни...»	105
1	105
2	105
3	106

4	107
5	108
«Горе, что чернее солнца...»	110
«Горит полярное сиянье...»	111
«Город этот не мой и страна не моя...»	113
«Горнолыжница. Горнолыжница...»	114
«Горько, горестно – не скажи!...»	116
«Грехи мои останутся грехами...»	117
«Гуляй, мой милый, всё равно...»	119
«Гуляют женщины вокруг...»	120
Д	121
«Дабы не стало будущее темью...»	121
«Даже не видя лоно...»	122
«Далеко-далеко от высокой звезды...»	124
«Девушка с фигуркою гимнастки...»	126
«Девчонке купили коробочку мела...»	128
«День осенний чист и резок...»	129
1	129
2	129
3	130
4	131
«Державы чьей и где – не знаю...»	132
«Диакон с молитвою...»	134
«Для кого-то как божья милость...»	136
«Для чего у опушки...»	138
«До тверди грешной снизойдя...»	141

«Долдонят мне учёные страны...»	143
«Дорог без счёта – путь у всех один...»	145
«Друзья мои смеялись надо мной...»	146
Е	148
«Евреи – обычные грешные люди...»	148
«Едва ты только захотела...»	150
«Ежели жизнь, как одежда кургузая...»	152
«Если выются злые ветры...»	153
«Ех, ех, хей ла...»	154
Ё	157
«Ёмкими доступными словами...»	157
«Ёрничай, ёрничай, ёрничай...»	159
Ж	160
«Желаю знать, чего я стою...»	160
«Желною по буковкам клави долбя...»	161
«Женщина – да не предаст меня...»	162
«Живу среди продажных, вороватых...»	163
«Жириновский. Венедиктов. Сатановский. Соловьёв...»	164
З	165
«За окошком колобродит...»	165
«За что – не ведаю ответа...»	166
«Забудьте про чернь, пусть живёт, как желает...»	168
«Завидую обычным христианам...»	170
«Загнали в теплушки, сверяя со списком...»	171

«Заполярное солнце не подарит заката...»	174
«Запою я песню с самого начала...»	175
«Заранее тебя благодарю...»	177
«Заслуг и идеалов не ценя...»	179
«Затихают горькие слова...»	180
«Зачем тебе женщина эта...»	182
«Зачем ты карими глазами...»	184
«Затрепетал под ветром шарфа кончик...»	186
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Владимир Лузгин

Алфавит грешника. Часть 2. Было Не было Могло

А

«АДВЕНТИСТ СЕДЬМОГО ДНЯ...»

Адвентист седьмого дня
Иль свидетель Иеговы?
Кто готов понять меня
В этом мире бестолковом.

Посещать ли мне мечеть?
Подружиться с синагогой?
Чтоб в гиене не сгореть
Вместе с Гогой и Магогой.

Выбрать кирху иль дацан?
Церковь или Ганга воды?
Чтоб явившись к праотцам
Обрести покой и отдых,

И, где райские холмы,
Реки, пастбища и кущи,
Петъ хоралы и псалмы
На два голоса с Всесущим.

«Ай да, ветер, злодей...»

Ай да, ветер, злодей,
Как выводит последнюю ноту!
Голосистым мальчишкой, лейтенантом старшим,
Под огнём пулемёта поднимающий роту,
Заставляя солдат, встать на бруствер за ним.

Так и мне бы рискнуть на рывок из неволи,
Если только возможно позабыть на бегу,
Что года разменяв на беспутство застолий,
Ничего изменить я уже не могу.

По рассудку – расплата, по норову – кары,
Это было и будет, это было и есть:
Срок, баланда, прогулка и обжитые нары,
Воровские законы и тюремная честь.

«Алкаю, жажду, вождедею...»

Алкаю, жажду, вождедею,
Ищу не сказанное слово,
Что вкупе с сущностью моею
Стать будущим моим готово,

Где, доверяясь жизни циклам,
Из тьмы инстинктов, грёз и яви
Моя вселенная возникла
Во исполненье неких правил,

Которым должен подчиняться,
Не размышляя, без изъятий,
Под гул хулений и оваций,
Меж маяты и благодати.

Таким как есть, таким как буду,
На пару с волею небесной,
Гоня души мандраж и смуту
Перед разверзнутою бездной.

Когда в миг страсти, в миг зачатья
Чужих людей в тиши алькова,
Уста мои замкнёт печатью
Повторно сказанное слово.

«Аль не хватит ныть- стонать по безделице...»

Аль не хватит ныть-стонать по безделице,
Боль утихнет, а беда перемелется,

Даже пусть не по прямой – по касательной,
Но вернётся к тебе фарт обязательно

Вместе с женщиной, а к ней всё приложится,
Всё родится, возрастёт и умножится,

Чтоб гордились вы сполна жизнью вашею
При еде и питие полной чашею.

Так что, брось ты ныть-стонать по безделице,
Боль утихнет, а беда перемелется,

Даже пусть не по прямой – по касательной,
Но вернётся к тебе фарт обязательно.

«Ангел божий с женским телом...»

Ангел божий с женским телом,
Посреди ночи и дня,
Откровенно и умело
Очаровывал меня,
Обжигая и маня.

Ангел божий, птица вспурга,
Два невидимых крыла.
Это ты, моя лямушка,
Чище лебедя была,
Говорлива и мила.

Ангел божий, в миг короткий
Жизни здесь, я не таю:
Не хочу другой красоты,
Дайте мурочку мою,
Сладкоядую змею.

Ангел божий, друг мой верный,
Сядем рядышком вдвоём –
Что нам до вражды и скверны,
Если счастливо живём
Ночь за ночью, день за днём...

Б

«Баланс нетрудно подвести...»

Баланс нетрудно подвести.
Нас, сельдюков, осталась горстка,
Хотя по-прежнему в чести
От Диксона до Дивногорска.

Всё меньше истых северян,
Всё больше жадных и раскосых,
Явившихся из тёплых стран,
Где чай растёт и абрикосы.

Они повсюду: там и тут.
Горласты, скоры без заминки.
И главное: их главный труд –
Места, торгующих на рынке.

Мы этим пришлым не указ,
Коль деньги носят в чемоданах,
Смотря на небогатых нас
С величием и презрением ханов.

Никто в прошедшие года

Так не смотрел нам даже в спины
И уж тем более, когда
Враг превратил страну в руины.

А мы отстроили её!
В крови, в поту, не зная, впрочем,
Что властью ставшее жульё
Нас оберёт и опорочит.

Чтоб, разум рабский не мутя,
Смирились под рукой конторской,
В чести по-прежнему хотя
От Диксона до Дивногорска.

И те же нравом и душой,
Чуть порченные в нулевые,
Как дети Родины большой,
Способной на дела большие.

Лишь червь сомнений воровски
Нас гложет, горечь навевая,
Что нашей воли вопреки,
Мы станем слугами Китая.

«Без раздумий ты мне отпустила грехи...»

Без раздумий ты мне отпустила грехи,
Заблужденья прощая и толки,
Несмотря на мои о свободе стихи
И церковей на груди голубые наколки.

Зная: нечем мне в жизни уже оплатить
Этот запах дурманящий женского тела,
А не то, чтобы страстью своею затмить
Столько лет обладавших тобою умело.

Так скажи, для чего ты меня приняла,
Обнадёжила и приласкала,
Мужика без хозяйства и без ремесла,
Помесь схимника и зубоскала.

Навсегда потерявшего с будущим связь,
Заблудившимся в прошлом средь воспоминай,
Что с тобой заодно, надо мною смеясь,
Миражом меня гибельным манят.

Где задумав своё ты – как Иезавель,
Словно те же Юдифь и Далила,
Просто рядом с собой до рассвета в постель,

Перед тем как предать, положила.

«Без табака. Без денег. Без жены...»

Без табака. Без денег. Без жены.
Один, как перст, как волк иль пёс занятный,
Лишь спиртом легкие увлажнены,
Чтоб легче им дышалось, вероятно.

Когда вокруг – бессменная пурга.
Не выглянуть. Не выйти. Не забыться.
И руки жжёт печная кочерга,
Сгребая писем жёлтые страницы.

Где фотографий выцветший картон
Сжимается шагреновою кожей
Под пламени хрипящий баритон,
На голос проповедников похожий.

Усердьем чьим калейдоскопом слов
Сменяются, как лейблы на товарах.
Амон, Ваал, Астарга, Саваоф,
Христос, Аллах, Махатма, Акихара.

Предчувствие небесного суда.
Блага земные служек Люцифера.
Коварство. Ухищрения. Вражда.
Согласие. Любовь. Надежда. Вера.

Пророчества, молитвы и псалмы.
Дыхание Фортуны или Рока.
Круговорот от лета до зимы.
От чистых душ до буйного порока.

Напевы водопадов и цикад.
Орнаменты удавов и песчинок.
И, встроенные в бесконечный ряд.
Ребенок. Мальчик. Юноша. Мужчина.

Без табака. Без денег. Без жены.
Один, как перст, как волк иль пёс занятный,
Лишь спиртом легкие увлажнены,
Чтоб легче им дышалось, вероятно.

«Белокурою бестией ей бы петь на подмостках...»

Белокурою бестией ей бы петь на подмостках,
Будь то Карнеги холл, Мулен Руж иль Савой,
Зажигая мужчин, стариков и подростков,
А она для чего-то повстречалась с тобой.

Танцовщицей воздушною в лучших балетах,
Вроде Гранд-Опера или Балле Рамбер,
Поражать бы ей толпы в свингах и пируэтах,
А увлѐк её ты – записной лицемер.

Роковою красавицей телеэкранов
Ей бы судьбы чужие, смеясь, разбивать,
А она, как не дико, не глупо, не странно,
Разделила с тобою свою жизнь и кровать.

«Белый ворон. Тьму ночную...»

Белый ворон. Тьму ночную,
Белый ворон, осветив,
Сел ко мне почти вплотную,
Величав и горделив.

Белый ворон. Сон иль чудо?
Белый ворон. Это как?
Неужели знак оттуда,
Сил потусторонних знак?

Белый ворон. Сделай милость,
Белый ворон, заодно
Растолкуй мне, что случилось
И что было решено.

Белый ворон. Очень надо,
Белый ворон, чёрт возьми,
Намекни хотя бы взглядом,
Но не мучай, не томи.

Белый ворон. В чём загвоздка,
Белый ворон, всё приму:
Муки пыточной ментовской
Или нищего суму.

Белый ворон. Не обидься,
Белый ворон, будь собой,
Ведь не зря ты, божья птица,
Мне ниспослана судьбой.

Белый ворон не ответил,
Белый ворон, онемев,
Сгинул в сумрачном рассвете
Над вершинами дерев.

Белый ворон. И, похоже,
Белый ворон, просто я
Сам не понял смысл расхожий
Знака из небытия.

«Близится последняя черта...»

Близится последняя черта,
А на лбу ни меты, ни зелёнки,
Словно я не стою ни черта,
Вроде шалопутной собачонки.

Или возвращая годы вспять:
Вычитая, складывая, множа,
Прежде должен прошлое понять –
Если кто такое сделать может.

И пытаться, суть свою уняв,
Перед неизбежным повиниться
За свободный ум и гордый нрав,
Путавших пределы и границы.

Но скорее – это просто блажь
Женщины преклонных лет с косою,
Той, что не изменишь, не продашь,
Хоть и ходит в рубище босою.

«Богиней шедшей с пьедестала...»

Богиней шедшей с пьедестала,
Чтобы увлечь, очаровать,
Она как птица щебетала,
А пела – ангелам под стать.

Не шагом шла – волной скользила
Под шёпот томный ветерка,
В своих уверенная силах,
До срока дремлющих пока.

И словно бездну разверзали
Глазищи чуть не в пол-лица,
Когда как молнии пронзали
Мужские подлые сердца.

«Бодр и счастлив друг мой перший...»

Бодр и счастлив друг мой перший
Из оставшихся в живых,
Из пока что не умерших
Одноклассников моих.

Пусть о нём враги судачат,
Он, я верю, честно жил
И поэтому с удачей
Больше, чем со мной, дружил.

Не ворчал, не лицемерил
И, хотя не робок был,
Прежде думал, после мерил,
А потом уже рубил.

И его не переспоришь,
Просто он такой один,
Колька Северный – мой кореш,
Человек и гражданин.

«Боже мой, какое утро!..»

Боже мой, какое утро!
Шёлковые облака
Под небесным перламутром
Красят золотом бока.

И вернувшись из-за моря,
Салютует ранний гром
Самым первым, самым скорым
Листьям с гибким стебельком.

Боже мой, цветы повсюду!
Шёлковые лепестки –
То господь являет чудо
Вдоль разлившейся реки.

Там жарки и голубица,
И с куриной слепотой
Мать и мачеха таится
За смарагдовой травой.

Боже мой, не переслушать!
Шёлковые голоса,
Вкладывая страсть и душу,
Переполнили леса.

Птицы, птички и пичужки.
Стрёкот, свист во все концы –
Ухажёры и подружки,
Недотроги и вдовцы.

Боже мой, какое счастье!
Жить и знать, что я живу,
А вчерашнее ненастье,
Как и завтрашнее – тьфу.

«Боль мою как ливнем смыло...»

Боль мою как ливнем смыло,
Право – грянула гроза,
Это милая открыла
Лучезарные глаза.

Горя моего завалы
Словно вымела пурга –
Это губы ты разжала,
Сладострастна и строга.

Грусть мою уносит ветер
Чёрных шёлковых волос –
Это я попался в сети
Расплетённых женских кос.

Так скажи, открой на милость
Тайну малости одной:
Почему не получилось
Раньше встретиться с тобой.

«Бренчит струна шальной гитары...»

Бренчит струна шальной гитары
Под хохот принявших барыг.
Аллаху молятся татары.
Глядит на девушку старик.

Есть смертный грех и просто вины,
А кто из нынешних людей,
Дойдя до жизни половины,
Чист перед совестью своей?

Прожив за тридцать лет на свете,
Любому ясен поворот,
Как Пётр их, улыбаясь, встретит,
Какую дверь он отопрёт.

«Брось, пойми, понапрасну поёшь...»

Брось, пойми, понапрасну поёшь.
Зря, поверь, отправляешь к врачу.
Даже станет совсем невтерпёж,
Промолчу. Промолчу. Промолчу.

Этот город чужой для меня,
Он ко мне холоднее, чем лёд,
Мне расстаться бы с ним за полдня,
А приходится – наоборот.

Здесь две женщины чудных живут,
Словно два лебединых крыла,
Воздавая блаженством минут
За года без любви и тепла.

Незнакомы они меж собой,
Но от каждой храня по ключу,
Не отдам предпочтенья любой,
Промолчу. Промолчу. Промолчу.

Голубые у первой глаза,
Не тускнеют под действием лет,
Ну, а стан гибок словно лоза,
Пусть лозы в этом городе нет.

У второй же они, как агат.
Губ зовущий кровавый овал.
Про таких меж людей говорят,
Что Кустодиев нарисовал.

У одной выключаю торшер.
У другой задуваю свечу.
И стиха соблюдая размер,
Промолчу. Промолчу. Промолчу.

Коль нет воли, чтоб страсть побороть,
Раз бессилен пред телом своим.
И не важно, простит ли господь,
Или вместе в геенне сгорим.

Ведь нельзя ни забыть, ни отстать.
Не отпустит судьба молодца.
Остаётся одно – долистать
Три романа мои до конца.

Потому понапрасну поёшь,
Зря с утра отправляешь к врачу.
Надоела до судорог ложь.
Промолчу. Промолчу. Промолчу.

«Будь я проклят на полный срок...»

Будь я проклят на полный срок,
Мне отпущенный божьей мерой,
Раз гонялся я за химерой,
Озлобляя без смысла рок,
Будь я проклят на полный срок.

Что у женщин чужих просил,
Как щенок – то скуля, то воя,
Знать бы: счастье это пустое
И напрасная трата сил,
Что у женщин чужих просил.

Пусть и молод я, и хорош,
Пусть везде мне легко и сладко,
Но давались они украдкой,
Ну, а много ли украдёшь,
Пусть и молод я, и хорош.

А ворованного не вернуть,
Разменять же иль бросить жалко.
Эх, душа моя – приживалка:
Глупость, ветренность, блажь и муть –
А ворованного не вернуть.

Потому и скребётся злость

В стылом сердце почище кошки –
Три горошины в чайной ложке
Удержать мне не удалось,
Потому и скребётся злость.

Будь я проклят, и стало так.
И не знаю, как там другие,
Но года мои расписные
Потеряли и вкус, и смак,
Будь я проклят, и стало так.

«Был спрятан в скалах высоко...»

Был спрятан в скалах высоко
По воле мудрых мулл,
Надежней чем Гуниб с Дарго,
Разбойничий аул.

Была в нём, к славе тем муллам,
Ватага мусульман,
А верховодил ими там
Имама сын – Рамзан.

Был он по делу гордецом,
И это каждый знал,
Что лишь пред матерью с отцом
Он голову склонял.

Была страна его рабой,
А он ей господин:
Беспечный, дерзкий, молодой,
Единственный – один.

Был у него каурый конь –
Увёл из табуна:
Черно седло, черна супонь,
Да и узда черна.

Была винтовка с ним всегда,
А была – будь здоров,
Дитя великого труда
Английских мастеров.

Был для Рамзана в мире бог
По имени Шамиль,
Кто в своё время просто мог
Стереть Россию в пыль.

Была поэтому мечта,
Ушедшим дням под стать:
Раз не боялся ни черта –
Хотел таким же стать.

Был он в бою, как барс и лев,
Силён, неотразим,
Пока, судьбу преодолев,
Казак не встал пред ним.

Была зелёная трава,
Да побурела вмиг,
Где прокатилась голова
Владыки из владык.

Был горек плач и крик в горах,
А приговор жесток,
Но было так и будет так,
Хотя я не пророк.

«Было. Не было. Могло...»

Было. Не было. Могло.
В царстве грёз. В земной юдоли.
Во спасение? Во зло?
Силой бесов? Божьей волей?

С вами, мною, с кем другим,
В этом мире достославном
В соответствии своим
Представлениям о главном.

Чьи слепые зеркала,
Нам показывают наши
Окаянные дела
В джентельменском антураже.

Дабы – кто-то, я иль вы,
Не искали зря ответа:
Живы мы или мертвы,
И узнаем ли об этом.

Чтоб забыться и забыть,
Даже если кровь дурная,
Мчит по венам во всю прыть,
О грядущем вспоминая.

Там, где отблески, струи
Душ излившихся сиянья,
Чьи-то, ваши иль мои,
Предвкушенья и желанья.

Под стремление понять,
Принимая праздник словно
Неземную благодать
Женской сладости греховной.

С кем-то, с вами ли, со мной.
Было. Не было. Могло быть.
Под гулявшую волной
Повседневной жизни обыдь.

Тайна горних букв и числ,
Каларати, Иегова,
Иссекающие смысл
До единственного слова.

В коем – сущность бытия,
В совокупности реальной,
Всё что видим – вы и я
В отражении зеркальном.

«Бывает как будто бы всё – дежавю...»

Бывает как будто бы всё – дежавю,
С которым смирился невольно,
И сколько ни странно, на свете живу
Спокойным и даже довольным.

В потоке сознания, утех и труда,
Мне кажется, бластится, мнится:
В сравнении с прошлым, я – мега-звезда,
А с будущим – микрочастица.

И что мне до веры, что мне атеизм,
Тем паче шуты и тираны,
Когда остывает, крича, организм,
И ширятся язвами раны.

«Бьётся сердце магнитною стрелкой...»

Бьётся сердце магнитною стрелкой
В ожидании встречи с тобой,
А до этого всё так мелко,
Кроме неба над головой.

Но не страшны ни рифы, ни мели
Моему кораблю, когда
Я отдал ему в полной мере,
Что желают иметь суда.

Моей кровью залиты баки.
Из волос моих – такелаж.
Слёзы – лучшие в мире лаки.
Руки – преданный экипаж.

Ну, а если Господь поможет
Встать на пару нам над бортом,
Мимо пристаней и таможен
Мы в неведомое поплывём.

И никто не сравнится с нами,
Нам летучий голландец – фи,
Потому что под небесами

Ничего нет сильнее любви.

В

«В годы свальные, годы запойные...»

В годы свальные, годы запойные
Нам судьба знаки явные шлёт:
Летом в полдень – грозу градобойную,
А зимой – через день гололёд.

Только разве кто в чём-то покается,
Даже просто шепнув: виноват,
Чтобы жить, как тому полагается,
Как заветы Христовы велят.

Впрочем, это и неудивительно,
Если для подражания дан
Выбор из беспощадных и мстительных –
Типа: Ольга, Владимир, Иван.

«В ЭТОЙ ЖИЗНИ, В ЭТОМ МИРЕ...»

В этой жизни, в этом мире
Посреди добра и зла
На студенческом турнире
Нас с тобой судьба ждала.

Фигуристка без разряда,
В белой юбочке своей,
Ты была по-детски рада
Одобрению друзей.

Наслаждаясь гибким телом
На наточенных коньках,
Балансируя умело,
В поворотах и прыжках.

Тешась ловкостью и силой,
Красотой открытых ног,
То корабликом скользила,
То вращалась как волчок.

Бог задумал? Чёрт ли дёрнул?
Но под музыку твою,
С соло ведшею валторной
По сегодня я стою.

А ты ласточкою кружишь,
И тебе семнадцать лет,
И ни темноты, ни стужи,
Ни обид, ни горя нет.

Только чувство благодати,
Человеческой, простой,
Что не зря себя я тратил
В отношениях с тобой.

В этом мире. В этой жизни.
В этой гибнущей стране,
Где при всей дороговизне
Ты – за так досталась мне.

«Вдали стихает голос басовитый...»

Вдали стихает голос басовитый
Грозы внезапной, пред которой страх
Понёс птенца искать моей защиты
Под крышей в виноградных кружевах.

Но сквозь зигзаги молний на излёте
Его порывом ветра занесло,
И крошечный, в пятак, комочек плоти
Ударился в оконное стекло.

Он молча умирал в моих ладонях,
Подрагивая крылышком одним,
В подпалинках и крапинках зелёных –
Беспомощен, бессилен, недвижим.

А мать, как появившись ниоткуда,
Вьёт в воздухе невидимую вязь,
Она ещё надеется на чудо,
Слепому богу птичьему молясь.

И мучается, что пережидала,
Боясь промокнуть в проливном дожде,
Не думая совсем о слётке малом,
Оставленном в покинутом гнезде.

Хотя понятно: может, через сутки
Или какой-то пусть чуть больший срок
Она забудет этот вечер жуткий
И беспощадный жизненный урок.

Да и узнать, естественно, не сможет,
Насколько я жесток и бестолков,
Когда птенца напрасно обнадёжил
Открытой дверью, обещавшей кров.

«Ведь даже в бездне ада канув...»

Ведь даже в бездне ада канув,
Я повторить и там готов:
У смерти нет людских изъязнов
И властью купленных судов.

Ей ни к чему любая ксива,
Её ничем не обмануть,
Она как служка из архива,
Вскрывающая фактов суть.

Как прокурор в господнем притче,
Сей миг и много лет спустя,
Найдёт, добавит или вычтет,
Листами дела шелестя.

И тут же в кабаке иль в чаше,
В тупик попавшим иль в фавор,
Выводит почерком скользящим
На лбах конечный приговор.

«Век 21 мимоходом...»

Век 21 мимоходом
Коснулся северных широт.
Октябрь семнадцатого года.
Россия. Родина. Народ.

Не внемлет нищему имущий.
Больных здоровым не понять,
Но жизнь при этом любят пуще,
Чем даже собственную мать.

До слёз довольные собою,
Общаясь в родственной среде,
Живут от ломки до запоя
Прислугой жалкой при вожде.

Однако надувая щёки,
Своим величием гордясь,
Любой из них – Ордин-Нащокин
Или почти удельный князь.

Который раз – одно и то же.
И, кажется, что будет впредь,
Как на меня никто не сможет
Личину рабскую одеть.

А те смеются, не смолкая.
Пьют зарубежное вино,
Подсизивая и толкая
Коллег, со всеми заодно.

Крестясь обеими руками,
Забыв про совесть, честь и страх,
С прилизанными волосками
На низколобых черепах.

Следя на плазменных экранах
В шале, по замкам, во дворцах,
Как рушатся чужие планы
И близится Европы крах.

Грозя великою войною,
Мир обвиняя скопом, весь,
Когда бедой очередною
Их обернётся блажь и спесь.

Который раз – одно и то же.
И, кажется, что будет впредь,
Как на меня никто не сможет
Личину рабскую одеть.

Хотя свобода не приносит
Ни благ, ни славы – ничего,
Что у своих хозяев просит
Горлапящее большинство,

На всё готовое пред властью
И без раздумий, как всегда,
Меняющее в одночасье
Царя и веру без стыда.

И в ими видимой картине,
Где вместо цели – миражи,
Век 21 вязнет в тине,
В потоках ереси и лжи.

Средневековье. Непогода.
Жестокосердие. Разброд.
Октябрь семнадцатого года.
Россия. Родина. Народ.

«Веселитесь, господа...»

Веселитесь, господа,
Теша душу, разум, тело:
Вы такие навсегда,
А другим – какое дело?

К солонцам в туман сырой
Как ни кралась маралуха –
Выстрел в грудь, потом второй,
Чтоб не мучилась, под ухо.

И напрасно у поста
Ждут вас доблестные лица:
Кровь по кружкам разлита –
Пузырится, пузырится.

Что вам власти и господь,
И гринписные уродцы:
Крови вдоволь и ломоть
Хлеба ситного найдётся.

Пейте, ешьте, господа,
Теша душу, разум, тело:
Вы такие навсегда,
А другим – какое дело?

«Ветер кудри мои озорно ворошит...»

Ветер кудри мои озорно ворошит.
Подмигнула звезда и листва прошептала:
До чего он хорош – ладно скроен и сшит
Из добротного крепкого материала.

Только синь облаков фиолетовой глаз.
Лишь черемухи цвет щёк холодных свежее,
Да черней, чем крыло у дрозда, улеглась
Борозда на повёрнутой шее.

А ведь я не устал от забот и любви.
И доволен был я до ничтожности малым,
Но трава проржавела от остывшей крови,
Когда сердце стучать перестало.

«Ветрено. Сыро. С тропы ветерок...»

Ветрено. Сыро. С тропы ветерок.
Лес огибает подковой.
Лучшего места, скорей бы, не смог
Выбрать и сам Иегова.

С вышки. С трёх метров. С упора. С перил.
Выцелив точно в лопатку,
Среднего, с серой спиной, завалил
С первого, как куропатку.

Магнум. Двенадцать. Winchester. Бокфлинт.
Гильза блеснула на солнце
И провалилась, крутясь, словно винт,
В снег по латунное донце.

Снимки. Звонки. Мерседесы. Порше.
Псов и лакеев без счёта.
Радостно сердцу, привольно душе.
Это – охота.

«Ветер к ветру, словно люди...»

Ветер к ветру, словно люди:

Этот буен, этот тих,
Усыпляют или будят
В меру факторов своих.

Дождь к дождю, совсем как люди:

Этот мелок, тот широк,
Освежают или студят,
Кто как может или смог.

К зверю зверь, подобно людям:

Этот робок, тот свиреп,
Пасанут иль напаскудят
В виде собственных потреб.

А природе безразлично,

А природе наплевать,
Что начальню, что вторично,
Будь ты схимник или тать.

«Ветры счастья утихли в потаённых углах...»

Ветры счастья утихли в потаённых углах,
В глубине непролазных болот лягушачьих,
А ведь только вчера за просёлочный шлях
Ты меня уводила из хутора крадче.

Там божилась-клялась навсегда быть моей,
Чтоб связал нас закон и обычай,
И, поверив тебе, я ушёл от друзей,
Вместе с кем я откинулся с кичи.

А сегодня с другим – до чего чернобров,
Как он молод, раскован и весел –
Ты змеёй уползла под берёзовый кров,
Что от глаз посторонних туман занавесил.

Оставляя меня одиноким щенком,
Потерявшимся на новолунье,
А сама с тем красавцем встречаясь тайком,
Надо мною смеялась, коварная лгунья.

Так не бейся в пыли и прими приговор
За развязанные узелочки,
Я не фраер, не мент и не ссученый вор,

И по счёту плачу без отсрочки.

«Вечно с нами, вечно в теме...»

1

Вечно с нами, вечно в теме,
Как на прошлом ни лови,
Прут во власть по прежней схеме
Патриоты на крови.

Внуки сталинских злодеев,
Коммунисты всех мастей,
Чтоб опять страну засеять
Сором ленинских идей.

Мастера лжи и подмены,
Вычеркнув и позабыв
Миллионы убиенных
В исполненье директив.

И согласно черни тренду,
Мыслям подлинным своим,
Обещают президенту:
«Если надо – повторим».

А за этою толпою,
Из сизо и профессур,
Лезут кодкою борзою
Патриоты от купюр.

Список их не иссечётся,
Коль задорны и смелы:
Иноверцы, инородцы,
Прождь, хачики, хохлы.

Где подмажут, где пристрелят,
Вылижут и оттеснят
Под оплаченные трели
Соловьёв и соловят.

И при росте дивидендов,
Верность до поры блюдя,
Восхваляют президента,
Дуче, фюрера, вождя.

«Власть, окроплённая кровью детей...»

Власть, окроплённая кровью детей,
Прочих невинных страдальцев,
Ради народа без пользы своей
Не пошевелит и пальцем.

Речи, доклады, воинственный пыл
Пропагандистов маститых –
Просто словесный дурман для терпил
С их мозговым простатитом,

Верящих в райские кущи – потом,
Ныне не видя исправно,
Как вырастают дворец за дворцом
У патриотов державных.

Значит, так надо, а я обречён
Правдой до смерти томиться,
Словно помятая ночью сычом,
Песни отпевшая птица.

«Внешне грозная, словно гюрза...»

Внешне грозная, словно гюрза,
Ты по сути нежнее весталки,
У которой сияют глаза,
Будто две чуть отцветших фиалки.

Но проходишь ты, не усмотрев
Никого, с кем могла бы сдружиться,
Кто бы понял твой гордый напев
Одинокой страдающей птицы.

Коль подвластен девичий удел
Самым грязным словам и намёкам,
Тех, кто жадно на тело смотрел
В предвкушении страсти глубокой.

И не знаешь ты наверняка,
Что судьбу твою переиначит:
Бег мангуста, полёт мотылька
Или беркута клёкот горячий.

«Внёс святыи моци...»

Внёс святыи моци
В храм церковный ход
На горе у роши,
Где вальдшнепов лёт.

И с небес слетели
Вещи слова
О великой цели
Храма Покрова,

Что ни грек, ни фрязин –
Русский человек
Волей и приказом
Возводил навек.

Белый, как рубаха.
Чистый, хоть носи.
Торжище монахов.
Детище Руси.

С верой и надеждой
О судьбе иной
Вознесенный между
Небом и землёй.

Сколько поколений
У его оград,
Преклонив колени,
Мёртвые лежат.

Почему же, Боже,
Чудом и путём
Ты мне не поможешь
В житии моём.

Подлость и измену
Не перенеся,
Таёт в сердце бренном
Истины стезя.

В сновиденье чутком
Воли к жизни нет,
И в глуби рассудка
Догорает свет.

Если праха в теле
Менее горсти,
Радоваться мне ли,
Господи, прости.

Коль душа не в силе
Вновь одеться в плоть,
Как бы мы не жили,
Не карай, Господь.

«Во тьме я был, смешавшись с тьмою...»

Во тьме я был, смешавшись с тьмою,
А тьма была сама собой,
Когда склонилась надо мною
С какой-то женщиной седой.

Я потянулся к ним невольно,
Как делать с юности привык,
И в тот же миг мне стало больно,
Но только лишь на краткий миг.

А после – трое в чёрном зале,
Мы предавались тишине,
Не слыша, как дьячки читали
Заупокойную по мне.

«Война ли у границ маячит...»

Война ли у границ маячит,
Внутри ли ядом брызжет враг,
Народный гнев народ не прячет,
Включая спившихся бродяг.

Идти на смерть. Стрелять в затылки.
Готовы. Будут. Без проблем.
О чём вещает пастырь пылкий –
Объединимся и вонмем.

Да как иначе, если вечно
В стране в почёте мастера
И подмастерья дел заплечных,
Изветчики да филера.

Им с властью хорошо с любовью,
Особенно, когда она
Народу застит лабудую,
Глаза косые от вина.

И забывает он, болезный,
О лжи, бесправье, воровстве,
Воздвигнув занавес железный
В своей похмельной голове.

Потом парады меж развалин,
Гул торжества посре́дь беды,
Неистребимый, вечный Сталин
И воевавшие деды.

А потому – что не маячит,
Кто бы ни выбран был как враг,
Народ народный гнев не прячет,
Включая спившихся бродяг.

«Воровской семьей оговорено...»

Воровской семьей оговорено,
Буде помнил пацан любой:
Не клюёт в глаза ворон ворона,
Есть для этого мы с тобой.

Пусть сердца скрипят как уключины,
Проржавевшие до трухи,
Обезножены, обезручены,
Лезем разуму вопреки.

Похмелив с утра душу дерзкую,
Что объявлено нынче нам,
Христианскою и имперскою,
В соответствии временам.

Дабы выкрикнуть слово главное
В честь начальствующих голов,
Вставших стражею православною
Перед полчищами врагов.

А поверившим в невозможное,
Словно киевская шпана,
Предназначены цепь острожная
Да могильная тишина.

Чтобы поступью величавою
Царь расхаживал за спиной
У гордящихся вслух державою,
Богоизбранною страной.

«Волна укачивает зыбкой...»

Волна укачивает зыбкой,
Но ты не с мамою родной,
Так что не древь и вей улыбкой,
И песню собственную пой.

Когда же шторм в широтах грозных
Настигнет, воя и хрипя,
Забудь о мыслях несерьёзных,
И верь, как в высший суд, в себя.

В объятьях дьявольской стихии,
Среди неиствующих вод –
К тебе в минуты роковые
Никто на помощь не придёт.

А судно пред девятым валом
Не подчиняется рулям,
Пока у пьяного штурвала,
Страх поборов, не встанешь сам.

«Вопит, вопит испуганным животным...»

Вопит, вопит испуганным животным
Мой слабый ум – пристанище затей,
К забвению летя бесповоротно
И с каждою минутою быстрее.

А вслед кричит за дьявольские выси
Мой грешный разум, сотканный из грёз,
Из мутных снов, обрывков фраз и чисел,
Из детских страхов и мужицких слёз.

Да иногда заговорит украдкой
Рассудок скверный и бесценный мой,
Светящий мне так радостно, так сладко
В короткий миг обители земной.

Зачем? Я сам того не понимаю,
Но как ребенок матери внимаю.

«Восьмой волны как не бывало...»

Восьмой волны как не бывало,
Но не утихнет ею шквал,
За штиля кратким интервалом
Грядёт, дымясь, девятый вал.

Сметая судна и строенья,
Не то, что прошлыми восьмью,
Служа уроком иль знаменьем
И человеку, и зверью.

Своею волей упиваясь,
Неся страдания и страх,
Он будит ненависть и зависть
В срамных разнузданных сердцах.

Которые запомнят это,
Чтобы воспользоваться им,
Провозгласив приоритетом
И главным правилом земным.

Не жизнь от власти на отшибе,
Не мудрость или божью гладь,
А разрушения и гибель
Всего, с чем можно совладать.

«Вот и время наступило...»

1

Вот и время наступило
Идиотов и лжецов,
Время родины распила
Для строительства дворцов.

Где на грудь взяв триста граммов,
Чтоб застой не портил кровь,
Утешаясь фонограммой,
Имитируют любовь.

И прекрасно понимая
Бездну собственной души,
Толпы стонут, воют, лают:
«Ну-ка, Катя, попляши».

2

Время обычное, как всегда.
В норме прирост и урожай,

Тем более, что плохая орда
Хорошей сменилась ордой.

И, словно кошку, глядя судьбу,
Зрачком на портрет кося,
В тапочках белых и в гробу
Имеем мы всех и вся.

Ну, а при встрече любой нам – брат,
Чтит коль закон орды:
«Властвует хан, пока сыт солдат,
И заняты прочих рты».

Притом что довольно на всех ослов,
Наложниц и верных жён,
Захочется новых – без лишних слов
Ещё наберём в полон.

Такие правила заведены
Великим Вождём в орде,
Врагов не боящимся и войны,
Не вспыхнет она где.

Поэтому вечно горят костры,
Показывая предел,
В котором сабли, как смерть, остры,
А кони быстрее стрел.

И нет отступников в нашем роду,

Ведь самый последний горд
Тем, что входит с семьёй в орду,
В счастливейшую из орд.

«Врачей озвучен приговор...»

Врачей озвучен приговор
До окончания срока или,
По крайней мере, до тех пор,
Пока мне сердце не сменили.

Так не считай за глупый труд,
Но жди, что бог ни приготовил,
Пока мне донора найдут,
Хотя бы близкого по крови.

Побудь, отринувшись от дел,
У изголовья сидя просто,
Пока среди мёртвых ищут тел
Моей комплекции и роста.

И даже чувствуя: в груди
Горит все зримей и заметней,
Прошу тебя – не уходи
Сейчас и даже в миг последний.

Знай: каждый в мыслях о себе,
Мы отыскать пути сумеем
Моей запутанной судьбе
В переплетении с твоею.

Пусть жил я, мучая тебя,
Беспутно и нетерпеливо,
Не понимая, что губя,
И не узнав – несправедливо.

Но и в беспамятной глуби
Слова несказанные в силе,
Всё позабудь, одно: люби,
Пока мне сердце не сменили.

«Всегда так было или нет?..»

Всегда так было или нет?
Неужто будет неизменно?
Рождает чудищ божий свет,
И нет их гаже во вселенной.

А мы, поверившие им,
Их лжи об истине и вере,
Страдаем и боготворим
Нас пожирающего зверя.

Поём осанну невпопад
И умолкаем, где не надо,
Под блеск и бряцанье наград
Очередного казнокрада.

Да под прицелом волчьих глаз
Толчёмся стадом бестолковым,
Выпячивая напоказ
Обремененья и оковы.

При этом в жертву отдаём
Своих детей, таких невинных,
Заискивая перед злом,
Как половой пред господином.

Так что же ждать прощенья нам
При жизни и по смерти тоже,
Когда нерукотворный храм
Дыханьем нашим уничтожен.

Когда иудиную мзду
Мы меж собою разделили,
И путеводную звезду
На золотую заменили.

Что удивляться, коль в ответ
Неотвратимо, неизменно
Рождает чудищ божий свет,
И нет их гаже во вселенной.

«Вселенной дела нет до нас...»

Вселенной дела нет до нас,
До наших грёз или заскоков,
С благодеяньем напоказ
И тайной сладостью пороков.

Как нам до страждущих вокруг,
От инвалида до старухи,
И прочих нищих и пьянчуг,
Больных, убогих, сухоруких.

А также прихвостней своих,
Включая собственные семьи,
И даже самых дорогих –
Кто с нами встретит воскресенье.

«Всерьёз я в юности едва ли...»

Всерьёз я в юности едва ли
Представить мог такую жуть,
Что в нищете, в полуподвале
Закончится мой грешный путь.

При всех способностях и фарте,
Не знавший страха и стыда,
На блеск побед сулящем старте,
Как это виделось тогда.

Я не давал себе поблажки,
Не потакал страстям своим,
Ходя в отглаженной рубашке
И бритым, словно херувим.

Причём, не глядячи на риски,
Себя под чёрти что кроя,
Отца и мать, родных и близких –
Кого не мучил только я.

Уже светил мне чин высокий,
Дающий власти произвол,
Но с женщиною черноокой
Меня Господь зачем-то свёл.

И всё построенное мною
Сгорело начисто, дотла,
Когда она своей игрою
Меня, смеясь, с ума свела.

«Вспорхнули, кинувшись гурьбой...»

Вспорхнули, кинувшись гурьбой,
Выстраиваясь вереницей,
В небесный омут голубой
С любовью вскормленные птицы.

Вверяясь крепкому крылу,
Лишь завершится бабье лето,
Они спешат сквозь хмарь и мглу
По им лишь ведомым приметам.

Пока подвыпившая рать,
Выцеливая жертв из стаи,
Коль не получится добрать –
Подранками не разбросает.

Что, не погибнув на лету,
Из сил последних, еле-еле,
Дотянут в леса темноту,
В свои грядущие скудели.

Что, отыскав болот закут,
Или довольствуясь канавой,
В уединенье доживут,
В мучениях до ледостава

А незатронутым свинцом,
Удастся, обойдя преграды,
Увидеть Каспий и Нам-Цо,
Их острова и водопады.

Там до весны прожив, опять
Вернуться к брошенному дому,
Птенцов взлелеять и поднять
Семьёю всей в небесный омут.

«Всего лишь побег от большого корня...»

Всего лишь побег от большого корня,
Я знаю и спорить не смею:
Есть люди правдивей и лучше меня,
Талантливее и умнее.

А сколько ещё на земле мудрецов,
Пока не открывшихся миру,
Скрывают среди разорённых дворцов
Туппумы, пергамент, папирус.

Как непредсказуемо, что предстоит
Извлечь из загадочных творчеств
Тому, кто сейчас в колыбели сопит
Иль рожи родителям корчит.

Поэтому стоит ли мучиться мне,
Сравнения в памяти множа,
Со сгинувшим временем наедине,
С руками скрещёнными лёжа.

Всего лишь побег от большого корня,
Я знаю и спорить не смею:
Есть люди правдивей и лучше меня,

Талантливее и умнее.

«Всевышнего деяния мудры...»

Всевышнего деяния мудры,
Пускай необъяснимы сразу нами:
Он спас меня, избавив от игры,
Когда за стол садился с шулерами.

Потом его невидимая длань,
То бархатная, то как кожа гада,
Казалось, завела в Тмутаракань,
На самом деле – вывела из ада.

Чтобы под гром иерихонских труб,
Под отзвуки пастушеской свирели
Познал я цену сладострастных губ
И язвы, кровоточащей на теле.

А ярости внезапных неудач
Не удивлялся: жизнь идёт по кругу,
Коль за спиной надрывный женский плач,
Как крик последний преданного друга.

Поэтому теперь, отныне, днесь,
Постясь или посматривая порно,
Не спорю я, что бог на свете есть,
Молчу покорно.

«Всю ночь в бесчинствах кутежа...»

Всю ночь в бесчинствах кутежа
По обмыванию премьеры
Была ты девственно свежа,
Игрива, и горда без меры.

И я попёр, как меж авто,
Взбесившись, лошадь гужевая:
Налил вина, принёс пальто.
А ты чужая.

Звонил. Являлся. Лебезил.
Непонятый, неоценённый.
Стихами цвёл или разил
В зависимости от персоны.

Я исполнял каприз любой,
Себя бесщётно унижая,
Лишь только чтобы быть с тобой.
А ты чужая.

Дни, словно листья на ветру,
Кружась и падая, летели,
Ведя со мной свою игру
Без всякой цели.

В которой с тупостью телка
Почти дошёл до грабежа я,
Чтоб разодеть тебя в шелка.
А ты чужая.

Меня водили топтуны,
Сопровождая до ареста
С документацией вины,
Деянья, времени и места.

И приняв тяжкую статью,
Из уст судьи с лицом каржая,
Я просто плюнул на судью.
А ты чужая.

Не сомневаюсь: только лишь
Едва успею удалиться,
Как тут же плечи оголишь
И защебечешь, словно птица.

Так у актрис заведено:
Жить, чью-то жизнь изображая,
Пока не кончится кино.
Где ты чужая.

«Выпал я из братвы, как птенец из гнезда...»

Выпал я из братвы, как птенец из гнезда,
Просто выброшен был чужаком-кукушонком,
И сменилась моя путевая звезда
Фонарём над тюремною шконкой.

Мне бы к воле уйти потаённым путём,
Оторвавшись от вохры, стоящей по кругу,
Чтобы встретить того, кто с позорным ментом
Расплатился за сучью услугу.

На него посмотреть бы единственный раз,
Если сможет он выдержать взгляда,
Засмеяться и выстрелить точно меж глаз,
Или вы пожалеете гада?

«Вырвать ноздри бы мне да на лбу...»

Вырвать ноздри бы мне да на лбу
Выжечь буквами крупными – «грешник»
За бесчинства мои и гульбу
В годы матери слёз безутешных.

Всё хотелось мне сразу, за так,
Где с согласия, где силой, где ложью,
Презирая простых работяг
С их надеждою в милости божьи.

А как нравилась мне хрипотца
Песен, мною пред бабами петых,
Вопреки поученьям отца
И его дальновидных советов,

Чем в пылу жизни я пренебрег,
Словно дьявольской тронут печатью,
По себе меря времени бег,
По себе выбирая занятия.

Сам, собой, о себе, для себя,
До кусочков, крупниц и осколков,
И вину свою усугубя,
Не исполнил сыновьего долга.

Без меня умирали они,
От дитя своего дорогого
Не дождавшись в последние дни
Ни гроша, ни последнего слова.

Вырвать ноздри бы мне да на лбу
Выжечь спицей калённой – «изменник»,
За бесчинства мои и гульбу,
За родителей, мной убиенных.

«Выслушивает молча бог...»

Выслушивает молча бог,
Как ему ангелы глагольше:
«Он сделал всё, что только мог,
Не меньше и не больше».

Когда на деле, не в кино
Иль на магическом концерте,
Власть вместе с чернью заодно
Смогли его добиться смерти.

Но он не сдался просто так,
Он до последнего мгновенья
Пытался, разгоняя мрак,
Приблизить время пробужденья

Страны, народа и умов,
В надежде дармового сыра
Опоенных дурманом слов
Продажного телеэфира.

Он не жалел души своей,
А с нею сил – до истечения
Положенных судьбою дней
Той самой кожей шагренью.

Чтоб вырвав с корнем из души
Безволие с совковым страхом,
Не извиваться, как ужи
И не дрожать, подобно птахам.

Да, он исполнить не сумел
Задуманное в полное мере,
Не докричал и не допел
О нашей непотребной эре.

Но в гуле кованных сапог,
Под крик служилых уберменшей,
Он сделал всё, что только мог,
Не больше и не меньше.

Г

«Гадай, цыганка, картами шурша...»

Гадай, цыганка, картами шурша,
Не пожалею перстня золотого,
Лишь только бы воспрянула душа,
Услышав одобряющее слово.

Гадай, цыганка, над моей рукой
С холмом Луны и поясом Венеры,
Не поскуплюсь, лишь сердце успокой,
Который день бегущее без меры.

Гадай, цыганка, взглядываясь в шар,
Чтоб волею Изиды иль Минервы,
За, сколько ты желаешь, гонорар,
Вернулись к норме сорванные нервы.

Гадай, цыганка, надо, я сниму
От матери хранимый крест нательный,
Но помоги рассудку моему,
Избавь меня от мыслей беспредельных.

Гадай, цыганка, способом любим,

Не избегая сил любого рода,
Но сделай так: она не будет с ним –
Я не хочу смертельного исхода.

«Где отыскать такой сюжет...»

Где отыскать такой сюжет,
О страсти человеческой,
Про коего статейки нет
Литературоведческой.

Как мы от правды отличим
Рассказы и сказания
Из жизни женщин и мужчин
В совместном проживании?

Кто за закрытыми дверьми
Увидеть мог творимое
Бытостроительство семьи –
Реальное и мнимое?

Кем и когда подтверждено
Их душ и тел движение
В миг единения, в одно
Известное мгновение?

И есть ли меж людей судья,
Чтоб в мании величия
Среди людского бытия –
Мог толковать обычаи?

«Гитара дерзкая хмельной шалавою...»

Гитара дерзкая хмельной шалавою
Кричит, не слушая подруг своих,
Обременённая дворовой славою
Меж шепелявящих или немых.

Гитара дерзкая орёт без роздыха,
Полубезумная, предвидя – впредь
Не хватит силы ей, не хватит воздуха,
Чтоб песню главную свою допеть.

Гитара дерзкая под ноги брошена
Ораве доблестной известных лиц
С лицом начальничков, испугом скошенным,
Со сладострастием детоубийц.

Гитара дерзкая разбита в крошево,
И лишь обрывки струн стальных звенят:
«Всего хорошего, всего хорошего
Тому, кто странствует из рая в ад».

«Главное – выжить любой ценой...»

Главное – выжить любой ценой,
Главное – жить, хоть последней скотиной:
Жрать, испражняться и брызгать слюной
С благословенья на то господина.

Ну, а рассказы про душу и ад,
Сказки о совести, чести и воле –
Без этой чуди я счастлив и рад,
Если хозяин мой мною доволен.

Что он не скажет и не намекнёт,
Тут же исполню я без промедленья:
Наполовину уменьшить народ
Иль увеличить его население.

С этим согласно страны большинство
За исключением гадов последних,
Тех, недовольных, мозги у кого
Лишь для оранья, фантазий и бредней.

Нет бы, построились строем и шли
Следом за нашей единой колонной –
То не стреляли бы и не кляли
Их по решению власти законной.

«Глаза сквозь черный глянец приоткрыв...»

Глаза сквозь черный глянec приоткрыв,
Господь сверкнул – и сникла вражья сила,
И мне прощён безумия порыв
И всё, что ты забыть меня просила.

А тот пустой, ненужный, глупый спор
Замолкнул, захлебнувшись в горле речью,
Как птица, мною битая в упор,
Как зверь, в петле дострелянный картечью.

«Глядим на мир мы все по-разному...»

Глядим на мир мы все по-разному,
Внемля стремлению души
К уродливому и прекрасному,
Во имя истины иль лжи.

Одни смеются – богу богово,
Другие крестят всё подряд,
А третьи кесаря жестокого,
Служа ему, боготворят.

И как тут выбрать круг общения,
Друзей, товарищей, коллег
И женщину для восхищения,
Деля с ней пищу и ночлег.

Чтобы потом в срок доживания
Свою жизнь заново прочесть
Сначала, с первого желания,
Вплоть до того, что ныне есть.

И успокоиться во мнении:
Пусть жил меж выжиг и пройдох,
Но сам при этом, тем не менее,

Не обманулся и не сдох.

А Тот простит, что жил по-разному,
Внемя стремлению души
К уродливому и прекрасному,
Во имя истины иль лжи.

«Годы младенчества помнятся смутно...»

Годы младенчества помнятся смутно:
Мамины губы да папин азарт –
Как мне без них на земле неуютно,
Август идет или март.

Юные годы сверкнули зарницей,
Золотом в серебре,
Не потому ли ночами не спится,
Май иль сентябрь на дворе.

Зрелые годы, зачем вы минули –
Горестно, больно и жаль,
Холодно мне даже в душном июле,
Не говоря про февраль.

Сколь не старайся, а что мне осталось –
Память да слёзы жены,
Сердце больное, голодная старость,
Горькое чувство вины.

«Голову на руки к ночи клоня...»

Голову на руки к ночи клоня,
Помню, как прятался я от погони,
Как на лету, засыпая меня,
Белыми розами снег жёг ладони.

Но положившись на веру свою,
Кутая тело в случайные тряпки,
В богом и чёртом забытом краю
Был я доволен укрытием зябким,

Не замечая того впопыхах,
Что почернела звезда путевая,
В окаменевших слепых облаках
Элиминируясь и остывая.

И не узнать мне уже никогда,
Сколь ни прельщайся основой возмездной,
Всё это: ночь, снегопад и звезда –
Было лишь сном, завершившимся бездной.

«Господь меня вёл сквозь пустыни...»

1

Господь меня вёл сквозь пустыни,
Болота, заводи, леса,
Являя знаками простыми
Знамения и чудеса.

2

Я видел в карстовых глубинах,
Научным мненьям вопреки,
Погибших в муках исполинов
Обугленные костяки,

Зачатых женщинами в браке
От падших ангелов, от тех,
Кто жить привык в грязи и мраке
Людских пороков и утех.

Куражась в дерзостном запале,
Они под шёпот сатаны

От Вседержителя отпали,
За что и были казнены.

Загнав отступников в пещеры,
Он в очистительный четверг
Во благо верности и веры
Их всесожжению подверг,

Чтоб слугам божим поученьем
Служил пример ужасный сей:
Не будет никому прощенья,
Каких бы ни были кровей.

3

Я видел горное ущелье
С как будто бы цельнолитой,
С промёрзшею до дна купелью
С почти хрустальной чистотой.

В ней из досок окаменелых
Дерев неведомых – ковчег
Стоит внутри под гладью белой,
Как праведности оберег,

Как память о спасенье Ноя,
Когда в пучине бурных вод

Исчез, безумствуя и воя,
Дотоле избранный народ.

Забыв о заповедях божих,
Обряды выродив в волхство,
Он проклят был и уничтожен
Вплоть до названия его.

Чтоб всякий знал: пред грозной дланью,
Вершащей справедливый суд,
Поповы выдумки и знания
От наказанья не спасут.

4

Я видел холм, людьми забытый,
Равнину плоскую пред ним,
Где объяснял мне смысл событий
Огненноликий серафим.

Перстом горящим, словно стилем,
Чертил слова он в облаках
О Сроках, Таинствах и Силах,
О вечной жизни и смертях.

Строка к строке, сплетясь как змеи,
Единым текстом письмамена

Висели в небе, пламенея,
Сколь ни была бы ночь темна.

Они пылали до рассвета,
Переложением судеб,
По воле нового завета,
Его неразрушимых скреп.

Чтоб помнить, избранных из званых,
Как Моисей или Енох,
В тиши небес обетованных,
Определяет только бог.

5

А я обычным человеком,
Каков и есть, лежал, дрожа,
Поникнув головою пегой
У рокового рубежа.

Листая в памяти страницы
Своих деяний – день за днём,
Ища, чем можно обелиться
В пути запутанном моём.

Не зная, как всё обернётся,
Ловя обрывки странных фраз

Из уст в халатах инородцев,
Мной озадаченных сейчас.

Продрогнув под простынкой голой,
Ещё не зная, что к жене
Уже прислушался Никола
В её молитве обо мне,

Пока, полученное налом,
Врачи делили не спеша,
И, не держа мочи и кала,
Я отходил от АКаШа.

«Горе, что чернее солнца...»

Горе, что чернее солнца
В час затемнения луной,
Без единого оконца
Опустилось надо мной.

И не свалишь всё на случай,
На судьбы слепой огрех,
Видно, просто невезучий
Или это – как у всех.

«Горит полярное сиянье...»

Горит полярное сиянье,
Фосфоресцируя снега:
Со стужей в противостоянье
Сдалась недельная пурга.

Вновь пыл охоты рвёт и мечет,
Хотя, лишь выйду на крыльцо,
Куржак обхватывает плечи
И даже целится в лицо.

Зато со мною снега шёпот,
Спокойных мыслей ровный лёт.
И песня в собственных синкопах,
Что человек себе поёт.

А все грехи, и лихолетство –
Ничто пред снежной тишиной,
Когда покой уносит в детство,
Где чист был сердцем и душой.

И мне яснее с каждым шагом:
Дойду, добуду, донесу,
Сколь не опасен склон оврага
И наледь гиблая внизу.

Не зря же, лазерною гранью
Чертя речушек берега,
Горит полярное сиянье,
Фосфоресцируя снега.

«Город этот не мой и страна не моя...»

Город этот не мой и страна не моя,
И планета, похоже, чужая,
Если царствуют в них гигабайты вранья,
Беспринципность и злоба без края.

Вообще для меня есть ли жизни удел?
Может там высоко за семью облаками,
От рожденья о чём и помыслить не смел,
А тем более тронуть руками?

Но рычит надо мною чиновная рать,
И смеётся народа властитель,
Что стою перед ними, как пойманный тать,
Думавший что – отец и учитель.

«Горнолыжница. Горнолыжница...»

Горнолыжница. Горнолыжница.
То ли видится, то ли слышится.

С перепоею иль из мечты
Рядом, около – снова ты.

Вся как белая, как на белом.
Голубые глаза, как край.
Застываю оторопело.
Здравствуй, милая, и прощай.

Эти склоны – твое убежище,
Где весенний снег чист и свеж ещё.

А ты властная госпожа,
Незнакомых гостей встречая,
Поишь, мучая и стужа
Горным воздухом вместо чая.

Замечательная негодница,
Не ботаница и не модница.

Несравненная. И умела
Всё ты вовремя – невзначай.
Застываю оторопело.

Здравствуй, милая, и прощай.

Чтоб над снежною тканью зыбкою
Одарить как тогда улыбкою.

Мне с тобою позор не страшен,
Мне беда с тобой – не беда,
Если сладкие встречи наши
В память врезались навсегда.

Ты – единственная. Ты – одна.
Кто была для меня нужна.

Помни это, покуда дышится.
Горнолыжница. Горнолыжница.

«Горько, горестно – не скажи!..»

Горько, горестно – не скажи!
И забыться бы, да не в силе,
Чтоб как в детстве нас от обид и лжи
Звери сказочные уносили.

Больно, боязно – невтерпёж!
Но задумайся – всё по делу,
Грёзы юности не вернёшь,
Если молодость пролетела.

Ай, как холодно! Холодна слеза!
Стала кровь темна и тягуча.
И закрыла навеки от нас небеса
Крепче камня могильного туча.

«Грехи мои останутся грехами...»

Грехи мои останутся грехами:
Не отмолить у неба и людей,
Не расплатиться песней и стихами,
И даже кровью гордою моею.

Так проклята будь, подлая минута,
Похмельного сознания изгиб,
Когда, тебя с другою перепутав,
Пошёл за ней, добился и погиб.

Ей ни к чему страдания бывшие
И радости иссякшие струи,
Где, словно незабудки голубые,
Безвольно отцвели глаза мои.

Напрасно я надеялся, болезный,
Да и она всё видела не так
В своих мечтах туманных, бесполезных,
В обыкновенных девичьих мечтах.

Поэтому, вкусив житейской прозы
Я, встав у предначертанной черты,
Выслушивал, упрёки и угрозы,
И хорошо лишь, что она – не ты.

А рядом, упиваясь сладострастьем,
Пел соловей, о безвозвратном пел,
О том далёком, чуть не ставшем счастьем,
В котором я с тобой не преуспел.

И про грехи – им тоже выйдут сроки.
Последний час, он ближе с каждым днём,
Чтоб слёзы, что твои залили щёки,
Меня настигли огненным дождём.

«Гуляй, мой милый, всё равно...»

Гуляй, мой милый, всё равно,
Разгул последствий не отымет,
Кому с рожденья суждено
Жить вождельнями своими.

Ведь как судьбе не прекословь,
Остерегаясь бестолково,
Свободой порченная кровь
Не может не вести к оковам.

А там, поверженный врагом,
Останься с прежнею натурой,
Принудят – бей, и ни при чём
Ни рост и ни мускулатура.

Как не придётся тяжело,
Какие беды не нахлынут,
Не морщь высокое чело,
Держа в уме первопричину.

Пред вохрой взгляда не коси,
Цени себя и локоть братский:
Всё остальное на Руси
Есть зло и ложь, и пламень адский.

«Гуляют женщины вокруг...»

Гуляют женщины вокруг
Изысканно и деловито
С показом бюста, ног и рук
Из мрамора иль селенита.

Легка походка, томен взор
И ткань, обтягивая тело,
Даёт мечтам такой простор,
Что сердце бьётся ошалело.

Но только, кто мы им, друзья,
Стеснённые стенокардией,
В тенётах мифов и вранья,
Привитых в годы молодые.

Себя отдавшие стране,
Предавшей нас и предающей
По устоявшейся цене
Барыгам, ныне власть имущим.

А сохранившуюся стать
Кавалергардов недобитых,
Как этим женщинам понять
С душой из габрро иль гранита.

Д

«Дабы не стало будущее темью...»

Дабы не стало будущее темью,
Где, как тела, ждёт души тлен и прах,
Господь уравнивает семьи,
Коль заключён их брак на небесах.

Так праведница к грешнику стремится,
Чтоб возвратить его на верный путь,
Чтоб он забыл про выверты с блудницей,
Вкус опьянения и похмелья муть.

А верующий в царствие благое,
Взяв грешницу, не расстаётся с ней,
Во имя общих счастья и покоя
Воспитывая праведных детей.

«Даже не видя лоно...»

Даже не видя лоно,
Порченное изменой,
Встал я ошеломлённый
Сценою откровенной.

Слёзы, как сварки брызги,
Мне обжигали веки,
Был я родным и близким,
Стал я чужим и неким.

Разве я мог сдержаться,
Статочное ли дело,
Если под скрип матраца
Она на меня глядела?

Было – не отрицаю.
Стало – на время легче,
Всё рассказав полицию
С мордью типа брекчий.

И будто бы кто их режет,
Женщины закричали:
Две – на могилах свежих,
Третья – в судебном зале.

Где адвокат отпетый,
Путал мозги присяжным,
Как не казалось это,
Лишним мне и неважным.

После сорокоуста,
Просьб и молитв бесплодных,
Понял я, как мне пусто.
Между себе подобных.

Нет никого на свете
С кем без напряжения просто,
Будь он хоть тем, хоть этим:
Грешник или апостол

Но и в краю таёжном,
Шествуя лесосекой,
Помню я всё, что можно
Некому о некой.

«Далеко-далеко от высокой звезды...»

Далеко-далеко от высокой звезды,
Что укрылась туманом как белою маской,
Наклонились деревья у вечерней воды,
У пруда, где кувшинки купаются с ряской.

Там меж сотни домов есть один небольшой,
Крытый толью и сам от дождей почерневший,
Под защитой которого с чистой душой
До шестнадцати лет жил пацан загоревший.

У дощатых ворот тот же клён и скамья.
Но теперь я боюсь не хулы и не дрына –
Вдруг забыла родная своего соловья,
Белолобого, гордого, нежного сына?

Пусть судьбу не удастся мне переиграть,
Пролетевшую путая, муча, встречаая,
Всё равно я приду, чтобы бедную мать
Попросить о прощенье, покуда живая.

Пересилю себя, постучу и войду,
Раскрасневшийся вмиг и внезапно уставший,
Брошусь в ноги её и скажу, что найду

Средь листвы прошлых лет, бесполезно опавшей.

«Девушка с фигуркою гимнастки...»

Девушка с фигуркою гимнастки,
Вот и хорошо, что молода,
Если исчисляешь без опаски
Мною зря прожитые года.

У тебя глаза свежей сирени
И горячий заводящий взгляд,
Под которым робок и смиренен
Я, как тридцать лет тому назад.

Это уже было. Мы с тобою,
Невзначай отбившись от друзей,
Прикрываясь холодом и тьмою,
Оказались в комнатке твоей.

Где, не обменявшись именами,
Разжигали, истязая ночь,
Искру, пробежавшую меж нами,
Что не погасить, не превозмочь.

А когда иссякла страсти сила
Иль проснулась грозная родня,
Утро нас, казалось, разлучило
Навсегда – до нынешнего дня.

И хотя ты обновила тело,
Но, едва притронусь я, оно
Вспомнит, что желало и умело
На двоих, со мною заодно.

Только вот обидно мне отчасти,
Зная продолженье наперёд:
Кроме кратковременного счастья,
Это ни к чему не приведёт.

«Девчонке купили коробочку мела...»

Девчонке купили коробочку мела,
И тут же она принялась за дела,
Раскрасив асфальт, как могла и умела,
Снабдив его текстом таким, как смогла.

Чтоб знали прохожие, не перепутав:
Вот мама, отец, младший брат, вот она,
Собою довольная, как и дебютом,
А все они вместе – родная страна.

Но дождик прошёл и рисунки исчезли,
Как будто и нет ни страны, ни семьи,
Ну, что тут поделаешь, ежели, если
Так Бог исполняет задумки свои.

«День осенний чист и резок...»

1

День осенний чист и резок
В первых числах сентября:
Лайда, озеро, пролесок –
Тундра, проще говоря.

2

Гляньте: словно с натюрморта
Гриб, румяней, чем калач,
И небитый, смелый, гордый
Краснобровый куронач.

Холодок ромашки влажной,
Где кипрей светил горяч,
И небитый, вольный, важный
Краснобровый куронач.

Волны вызревшей морошки.
Ветер, кинувшийся вскачь,

И небитый, несторожкий
Краснобровый куропад.

Мягкий мох, шиповник острый –
Всё открыто, как ни прячь,
И небитый рыже-пёстрый
Краснобровый куропад.

Меж кустов пожухлых пятна
Заячьих линиялых гач,
И небитый крепкий, статный
Краснобровый куропад.

Чей-то след по чернотропью,
Бормотание и плач,
И пока не битый дробью
Краснобровый куропад.

3

Верит он, что жизнь без края,
Срок придёт – и он, влюбя,
Выберет из целой стаи
Куропатку для себя.

Заведёт семью большую,
Охранив от падежа,

Самку верную милая,
Верховодя и строжа.

Это будет, несомненно,
Помешать кто сможет им
В ими выбранной вселенной,
Бесшабашно молодым!

4

А пока он лишь довесок
К этой сказочной поре:
Лайда, озеро, пролесок –
Проще, тундра в сентябре.

«Державы чьей и где – не знаю...»

Державы чьей и где – не знаю,
Открытый ливням и ветрам,
Стоит, провалами зияя,
Величественный, древний храм.

Там тишина, там жизнь в опале,
Лишь меж дымящихся камней,
Среди чудовищных развалин –
Клубы беснующихся змей.

Никто не видел, но поверьте:
От незапамятных времён
Там обитает ангел смерти,
Владелец тысячи имён.

В жару и стынь, и в тишь, и в ветер,
Не упустив черты любой,
Он в нас, во всё живое метит
Неотвратимую стрелой.

Не ускользнуть, не отвертеться –
Что суждено, то суждено:
Чуть вздрогнет раненое сердце,
И остановится оно.

Но не заметит мир и город
В том ровным счётом ничего,
И только те, кому я дорог,
Всплакнут у тела моего.

«Диакон с молитвою...»

Диакон с молитвою.
Купчиха с купцом.
А друг с острой бритвою
Глядит молодцом.

Монах с камилавкойю.
Купец у купца.
А друг мой с удавкойю,
Держи молодца.

Алтарник с подсвечником.
Куражист купец.
А друг мой с тэтэшником,
Каков молодец.

Епископ в кукольнике.
Меха на купце.
А друг мечет стольники
Петь о молодце.

Игумен в подряснике.
Мент лезет к купцу.
А другу всё праздники,
Всё в кайф молодцу.

Послушник с перловкою.

Купец вдрабадан.

А друг с остановкою –

Опять в Магадан.

«Для кого-то как божья милость...»

Для кого-то как божья милость,
А кому-то, грозя бедой,
Русло речки переменялось,
Льдами сдавленная весной.

Забывая протоку илом,
Топляками, сырым песком,
Так что летом её схватило
Задержившимся языком.

После, быстренько, лоскутами
Всё вдоль берега заросло –
С черемшью между кустами
И ромашками, где светло.

Птицы певчие свили гнёзда
По обычаю своему
В гуще вымахавших подростков,
Кооптируемых в урему.

Вместо заячьих троп рябые
Муравейники выросли,
И пропали следы любые
Обрабатываемой земли.

Словно не было слёз и пота,
Крепких изгородей и меж
И напрасной была работа,
Ради жегших сердца надежд.

Так что думайте, братцы, сами,
Что к чему, и о чём это я
Пересказываю стихами
Часть природного бытия.

«Для чего у опушки...»

Для чего у опушки,
Где лесной виноград,
Мне три разных кукушки
Куковали подряд,

Обещав ненароком
И с разбросом таким,
Что до самого срока
Срок неопределим.

Первой крик, словно плачет,
Словно просит: «Не пей!
Или года иначе
Не прожить меж людей».

А вторая с подхода
Вторит ей: «Не кури!
Будешь жить больше года
И не меньше, чем три».

Что последняя хочет –
После тех не секрет!
И за это пророчит
Мне несчитанно лет.

Но не знали кукушки,
Да откуда им знать,
Что чеченские пушки
Заряжают опять.

И что муфтий Кадыров
Объявил газават
Для убийства кяфиров
Беспощадно, подряд.

Что сынок его младший,
Горделив и горласт,
Над останками павших
Резать русских горазд.

А когда в самоходке
Я убитый горел,
Было мне не до водки,
Не до с бабами дел.

Лишь в небесном овале
Мать в обнимку с отцом
Чадо бедное звали,
Исчезая – втроем.

Так зачем у опушки,
Где цветет резеда,
Куковали кукушки,
Куковали тогда?

Или чтобы не струсил,
Честно идучи в бой,
Объясни мне, Иисусе,
Вот я весь пред тобой.

«До тверди грешной снизойдя...»

До тверди грешной снизойдя,
Не затеряться чтобы всеу,
Потоки буйного дождя
Резвятся, тешась и танцуя.

Который день течёт, течёт.
Никто, ничто их не ослабит:
Разверзлись хляби вечных вод,
Неиссякаемые хляби.

Давно затоплены ряжи,
Поникли липы и берёзы,
И в норках спрятались стрижи –
Живые средства для прогноза.

Зато довольна детвора,
По лужам прыгая с восторгом,
Передвигаясь средь двора
В дырявых ящиках горторга.

Да продавщицы из ларьков
Довольны выручкой спиртного –
Два выходных у мужиков,
И нет им отдыха другого.

А у кого посменный труд,
Когда из транспорта вылазят,
Те красной армией клянут
Засилье сырости и грязи.

Но безразличны небеса,
Не тронет радость их и горе,
И за грозой спешит гроза,
Как мысли в пьяном разговоре.

«Долдонят мне учёные страны...»

Долдонят мне учёные страны,
Что энтропия – главная причина
И смысл того, что смерть и жизнь равны
Для человеческого сына.

Чем хуже я секвой или елей,
Баньянов, тисов, сосен, баобабов,
Тысячелетьями исчислен возраст чей
В трудах ботаников известного масштаба.

Чем хуже я гранита и кремня,
Орогов горных, скального откоса –
Рождённые задолго до меня,
Они не знают времени износа.

Чем хуже я заливов и озёр,
Ключей болотных, забереги края –
Всего, что видит человеческий взор,
Из окружающего выбирая.

Чем хуже Солнца я или Луны,
Фотонов, кварков, атомов, нейтрино,
Создавших мир, где жизнь и смерть равны
Для человеческого сына.

А как же бог, евангелии, ад,
Стигматы, епитимии, спасенье,
И почему беспомощно молчат
Об этом воды, чащи и камня?

«Дорог без счёта – путь у всех один...»

Дорог без счёта – путь у всех один,
Будь раб ты или грозный господин.

Но как он сладок, этот грешный путь,
О чём, пройдя его, не позабудь.

Благодаря за дар их мать с отцом
В преддверье встречи с сущего Творцом.

«Друзья мои смеялись надо мной...»

Друзья мои смеялись надо мной,
Что перенять не мог их блеск и лоск:
Среди говорунов – почти немой,
Среди задир – податливый как воск.

Но мне Господь, пусть он велик и строг,
А я пред ним беспомощен и мал,
Трудами матери моей в урочный срок
Жену для продолженья рода дал.

Тьму жизни красотою оттеня,
Достоинствами, что не перечеть,
Не ровня мне, но приняла меня
Она, как крест свой и таким, как есть.

И не боясь трудов, невзгод и мук,
Пока искал я истину в вине,
Теплом и лаской где души, где рук,
Вернула мной потерянное мне.

Чтоб перестали мы смотреть поврозь,
Чтоб нас у нас никто не мог отнять,
И даже невозможное сбылось,
О чём просила пред всевышним мать.

Не всем же жить в столичных городах,
Ходить на Эсмеральду и футбол,
Тогда как фруктами мой дом насквозь пропах,
И я себя в трудах своих нашёл.

Хотя, как прежде, прост и нелюдим
В сравнении с друзьями, что умны,
При власти, на виду, и, как один,
Уже по паре раз разведены.

Им собственное мнение – закон,
Им не принять, что люди говорят:
«Любой мужчина счастлив, если он
На настоящей женщине женат».

Е

«Евреи – обычные грешные люди...»

Евреи – обычные грешные люди,
Пусть даже когда-то и жил Илия,
А те, что сегодня – и в лести, и в блуде,
Не лучше, не хуже, чем ты или я.

По виду очкарика-интеллигенты,
Ваятели, книжники, бухгалтера,
Свидетели, зрители и абоненты,
По сути, как ты или я – фраера.

Но есть пострашнее воров и бандитов
Из этой, довольно приличной, среды
Отдельные выходцы, скажем открыто,
Кого на Руси называли «жиды».

Не дай вам господь повстречаться с такими,
Такой, если с ним заведёте дела,
Введёт в искушеньё, заманит и кинет,
Разув и раздев, почитай, догола.

И скроется в местности, звавшейся Истов,

Откуда нет выдачи ни для кого,
Где мёртвое море и центр сионистов,
О ком я не знаю почти ничего.

Тогда как евреи – обычные люди,
Пусть даже когда-то и жил Илия,
А те, что сегодня – и в лести, и в блюде,
Не лучше, не хуже, чем ты или я.

«Едва ты только захотела...»

Едва ты только захотела
Иль приняла похожий вид,
Твой запах лона, губ и тела
Меня дурманит и манит.

Горячих рук прикосновенье,
Глаза, зовущие к себе,
Мне обещают обновленье
Наперекор моей судьбе,

Мой дух испытывавшей строго:
Сначала – нищею сумой,
Затем, с соизволения бога,
Карымской чёрною тюрьмой.

Друзьями преданный своими
По воле сволочных властей,
Я поквитался кровью с ними,
Согласно совести своей.

Отбыв срок полный приговора
За очистительную месть,
Не стал ни сукой я, ни вором,
Оставшись, кем я был и есть,

Ненужным этому народу,
Что, жаждой денег одержим,
Не может воспринять свободу
Холопским разумом своим.

Но в этот миг, перед тобою
И я забуду про неё,
Пока нам хорошо обоим,
Впадая в полузабытьё.

«Ежели жизнь, как одежда кургузая...»

Ежели жизнь, как одежда кургузая,
Жмёт, расползается, давит под дых,
Боже, не силы мне дай, так иллюзию
Осуществимости целей моих.

Дабы ночами не мучился мороком,
А просыпаясь, силён был и свеж,
Видя вокруг, что мне любо и дорого
Вместо притворства чиновных невеж.

Или отправь меня в дали далёкие:
В чащу, в пустыню, в заброшенный край,
Наедине, без самсунга иль нокиа,
И навсегда со мной связь потеряй.

«Если выются злые ветры...»

Если выются злые ветры
Гарпий полуночных злей,
Вспомни солнце, речку, кедры,
Песню юности своей.

Не сердись, не огорчайся,
Что покинул край родной,
И с друзьями повстречайся,
Коль захочется в запой.

Плюнь на мрачную погоду,
Отдохни от неудач,
Не позорь свою породу –
Не ругайся и не плачь.

Обними подругу крепче,
Поцелуй, рукой скользя,
Пусть она тебе прошепчет,
Что и выдумать нельзя.

Остальное – грязь и склока.
Стоит ли в такую муть,
Чтобы жизнь свою до срока
Променять на что-нибудь.

«Ех, ех, хей ла...»

Ех, ех, хей ла.
Встаньте из-за стола.

С водкою и едою
Кончено, и пора
Нарты мои со мною
Вывести со двора.

Труп мой скрепите стяжкой,
Чтобы я, видя путь,
Мог с роковой упряжкой
Наледи обогнуть.

Бросьте сакуй в колени,
Ех, ех, хей ла,
Как понесут олени,
Будет не до тепла.

Бросьте сакуй в колени,
Нопы и бокари,
В сумках из кож таймених –
Юколу, сухари.

Дайте мне три хорея,
Ех, ех, хей ла,

Чтобы судьба вернее
К цели меня вела.

Дайте мне три хорея,
Чая, не жалко сколь,
Утвари поцелее,
Трубку, табак и соль.

Ну, и багак с двустволкой,
Ех, ех, хей ла,
Против чумного волка
Или другого зла.

Ну, и багак с двустволкой,
Верных друзей стальных,
Раз на дороге долгой
Не обойтись без них.

Прочее, что с азартом
Скапливал, нёс домой,
Не уместить на нартах,
Не унести с собой.

Вот и распределите
Памятью обо мне,
И без меня живите
В горькой своей стране.

Коль не накрыла мгла.

Ех, ех, хей ла.

Ё

«Ёмкими доступными словами...»

Ёмкими доступными словами
Объяснял нам пьяный старшина
Разницу меж прапором и нами,
У кого права и чья вина.

Стриженные, в штопаных кальсонах,
В сапогах с портянками комком,
Слушали мы в состоянье сонном
Инфу о разводе полковом.

Старшина, довольный дисциплиной,
Оттого трезвея на глазах,
Завершил свой спич цитатой длинной,
Разнеся гражданских в пух и прах.

Три часа, а я до полвторого
На полах отслуживал наряд,
И сегодня буду тем же снова
Заниматься третью ночь подряд.

Вот и примостясь на верхней койке

В полной форме, как на караул,
И как в детстве после глупой двойки,
Я заплакал и в слезах уснул.

А домой вернулся лейтенантом
Младшим, но по виду офицер,
В кителе и в брюках с тонким кантом,
И в ботинках – точно под размер.

Без обид на воинское братство
И довольным строгим старшиной,
Выбившим и дурь, и верхоглядство
Из моей натуры озорной.

С той поры я, повстречав солдата,
Путь его крещеньем осеня,
Вспоминаю слёзы, что когда-то
Сделали мужчину из меня.

«Ёрничай, ёрничай, ёрничай...»

Ёрничай, ёрничай, ёрничай
И весели эскорт
Своры продажной дворничьей
В виде лакейских морд.

Бражничай, бражничай, бражничай,
Крепкой хвалясь вожжой,
Вместе со славой, неважно чьей –
Дедовской или чужой.

Складывай, складывай, складывай,
Сколько достанет сил,
Жертв своих действий адовых
В темь потайных могил.

Верящий, верящий, верящий,
Всё тебе с рук сойдёт
В обществе лицемерящих
Таких же, как ты, господ.

Ж

«Желаю знать, чего я стою...»

Желаю знать, чего я стою.
Отсюда – как мне быть с собой:
Артачиться иль жить простою
Не взбаламученной судьбой.

Где прочитать, хотя бы вкратце,
Чужую мудрость одолжив,
Кому я должен поклоняться,
Пока на этом свете жив.

Как выбрать телом и душою
Единственную навсегда,
Ту, что глаза мои закроет
В преддверье Страшного суда.

«Желною по буковкам клавы долбя...»

Желною по буковкам клавы долбя,
Я строчками чёрным на белом,
Строфами тремя успокоить тебя
Хочу окончательно в целом.

Чего мне метаться, чего мне искать,
Небритому золоторотцу,
Уставшему истины сущность алкать
И с вечной неправдой бороться.

А после как чувство свободы ушло,
Одно мне на свете осталось –
Глаз карих твоих неземное тепло,
Как счастья какая-то малость.

«Женщина – да не предаст меня...»

Женщина – да не предаст меня,
Позовёт, накормит и напоит,
После, грешным взглядом помяня,
До рассвета лаской успокоит.

Женщина – да станет мне она
Главною, единственной, которой,
Что Всевышним определена
Стать моей надеждой и опорой.

Женщина – да буду я при ней,
Что бы шептуны ни навещали,
До конца своих недолгих дней
Верным другом в счастье и печали.

Женщина – да есть ли у меня
Кто-нибудь ещё на этом свете,
Перед кем, любуясь и ценя,
Был я каждый божий день в ответе...

«Живу среди продажных, вороватых...»

Живу среди продажных, вороватых,
В подбитых ватой стеганых пальто,
И чтоб не задохнуться этой ватой,
Пью, с кем попало, и незнамо что.

Не думая, не веруя, не споря,
Отбросив, словно ношу со спины,
Гнёт правды, приносящей только горе,
И чувство своей собственной вины.

Поэтому, да будет мне забвенье
Хмельного сна средь ночи или дня,
В туманном ожидании мгновенья,
Освободить готового меня.

«Жириновский. Венидиктов. Сатановский. Соловьёв...»

Жириновский. Венидиктов. Сатановский. Соловьёв.
Иже с ними. Вместе. Просто. Говорят. Народ таков.

Людам нравятся химеры, мифы, домыслы и ложь,
Без которых, как ни бейся, на Руси не проживёшь.

Людам нравятся бандиты, воры, жулики, пока
Не касается их лично уголовного рука.

Людам нравятся злодеи из начальников больших,
Жизнь лишающих кого-то, но, естественно, не их.

Людам нравятся безделье, бабы, водка, снеди ларь,
Пьяный поп, весёлый барин и беснующийся царь.

И не сделать ничего тут. Говорят. Народ таков.
Жириновский. Венидиктов. Сатановский. Соловьёв.

«За окошком колобродит...»

За окошком колобродит
Дождь со снегом ледяной,
Ну, а я доволен, вроде,
Что без зоны за спиной.

Непокорный и гонимый,
Знаю: будет всё не так –
Жмёт мне крылья херувима
Износившийся пиджак.

И хотя не граф, не герцог.
И в кармане ни гроша,
Но зато – какое сердце,
И, тем более, душа.

«За что – не ведаю ответа...»

За что – не ведаю ответа,
Быть может, время разберёт,
В пещере без огня и света
Жил в темноте чудной народ.

Не видя мерзость запустенья,
Привыкнув к грязи и говну,
Имел он собственное мненье,
Во всём держась за старину.

Уверенный единодушно
В богоизбранности своей
На пару с совестью послушной
Собственноличной и властей.

А тех, что в будущее звали
По мере разума и сил,
Он при посредстве вертикали
До уморения давил.

И всё-таки, один из этих
Развёл в пещере костерок,
Чтоб каждый, пусть в неярком свете,
Себя, как есть, увидеть мог.

Пускай хотя бы в четверть глаза,
Впрямую, без обиняков,
Сравнив с эпохой пересказов,
Докладов, песен и стихов.

Ну, а кому признать охота,
Когда вокруг под визг кнута
Гуляет пьяная мразота
Или под дозой мерзота.

Не зря, не выдержав такого,
Народ пещерный, спав с лица,
Залил огонь мочой суровой,
Забив до смерти подлеца.

«Забудьте про чернь, пусть живёт, как желает...»

Забудьте про чернь, пусть живёт, как желает,
С Нероном, со Сталиным, с Путиным, ей,
Пока она дышит, смердит и штыняет,
Нет дела до Родины будущих дней.

Не трогайте чернь, обойдётся дороже,
Не зря из неё уголовный собес
Напёрстничников и карманников множит
Под крышею власти в погонах и без.

Забудьте про чернь из любых категорий,
Когда по малинам толчётся она,
Сыта, дринканута и баб мухоморит
Под запахи рвоты, мочи и говна.

Не трогайте чернь, будьте выше и чище,
Задуманные завершая дела,
Среди вам подобных, кто истину ищет,
Какою бы горькой она ни была.

Забудьте про чернь, вечно помня о главном,
Что вам до мошенников или воря,
Живущих в неведении православном,

Не трогайте чернь, бог ей будет судья.

«Завидую обычным христианам...»

Завидую обычным христианам.
Их вера есть, была и будет жить
Отдельно от вопросов окаянных,
Которых мне, увы, не разрешить.

Но кем же был Иисус из Назарета,
Считая, если жил такой еврей:
Пророком, проповедником, поэтом
Иль жалким искусителем людей.

Как получилось что в тогдашних книгах,
При чудесах по воле высших сил,
Никто из современников великих
Ему строки одной не посвятил.

Чем объяснить – больших и малых наций
Мыслители, кому я не чета,
Потратили века, чтоб разобраться,
И всё-таки не знают ни черта.

Притом что мною в памяти хранимо,
Когда народ Пилату на отказ,
Кричал: «Во имя Господа и Рима,
Распни! Пусть будет кровь его – на нас».

«Загнали в теплушки, сверяя со списком...»

Загнали в теплушки, сверяя со списком,
Согласно приказам высоких чинов.
Чтоб дёрнулись оси колёсные с визгом.
И поезд повёз на войну пацанов.

А старший постукивал трубкой резною,
А маршалы выпимши тискали баб,
У них в кабинетах не пахло войною,
Чего им до судебных каких-то растяп.

Пяти миллионов – в кирзе и обмотках,
До четверти – с опытом прошлых боёв:
В Китае с Монголией – с краткостью в сводках,
В Финляндии с Польшей – под грохот стихов.

Лишённых уже самолётов и танков.
Из тех, что собрали к началу войны,
И людям открылась режима изнанка,
Кто видеть хотел, не пугаясь цены.

А старший обкуривал новые трубки,
А маршалы баб волокли на диван,
Какое им дело до той мясорубки,

Во что превратился их каверзный план.

Теплушкам осталось до фронта недолго,
Горели глаза и сердца у парней
От чувства привитого Родиной долга,
От горьких известий отцовских смертей.

Когда те недавно в окопах сменили
Сынов своих перших, погибших в плену,
Которых предателями объявили,
Оправдывая этим власти вину.

А старший попыхивал герцоговиной,
А маршалы баб хоботали за зад,
Когда генералы с обычною миной
На гибель погнали прибывших солдат.

Чтоб осуществляя права уставные
И доизрасходовав личный состав,
Подать по команде листы наградные,
С себя и своих порученцев начав.

Разбит паровоз. Догорают теплушки.
Снега засыпают остатки травы.
По Зимнему лупят немецкие пушки.
Майор Бук глядит на предместье Москвы.

А старший курил, словно лёгкие грея,
А маршалы тешились бабским теплом,

Пока ополчение кровью своею
Страну защищало в возмездье своём.

«Заполярное солнце не подарит заката...»

Заполярное солнце не подарит заката.
По три месяца кряду легкий дым от жары.
Комариные волны, как туман сероватый.
Да по гиблым болотам облака мошкары.

Но не дрогнет мужское надёжное сердце,
Это знаем, бесспорно, и проверили мы:
За короткое лето надо прочно прогреться,
Чтобы не остудиться за полгода зимы.

И никто не отнимет радость бросивших город,
Компенсацией гнусу будет тундра с рекой:
Там рыбалка такая – не забудется скоро,
Там такая охота – лишь не дрогни рукой.

А когда мы вернёмся, посвежевшие телом,
Собирая друзей за обильным столом,
Будет, как ты мечтала и с надеждою пела,
В безвозвратно далёком, в девяносто твоём.

«Запою я песню с самого начала...»

Запою я песню с самого начала,
Песню, у которой нет ещё конца,
Как на этом свете било и качало
Платиноголового молодца.

Раз. Два. Нет ни сил, ни воли,
Нет ни сил, ни воли боль перебороть,
Чтоб после ночного в полутёмном поле
С детскою ватагою мчаться обороть.

Запою я песню без прикрас, простую,
Песню забубённого казака
О судьбе, растраченной вхолостую
За калач да крынку молока.

Раз. Два. Не тревожьте рану,
Не тревожьте рану зельем и бинтом,
Я уже на ноги никогда не встану –
Отдышаться на яру крутом.

Запою я песню про года лихие,
Песню, как сложилась или как могу,
В холода январские, в ливни ледяные,
Бьющие на стрежне и на берегу.

Раз. Два. До свиданья, друже,
До свиданья, друже, коль сведёт Господь,
Ведь пока никто мне в этот час не нужен,
Коль нет сил и воли боль перебороть.

А когда накроют тело парусиной
И землёй засыплут с грязью пополам,
Вспомнят добрым словом ли сукиного сына
С чубом непокорным, точно как он сам?

«Заранее тебя благодарю...»

Заранее тебя благодарю
За труд последний для меня на свете,
И слёзы горькие в грядущую зарю,
Которую вдвоём уже не встретим.

Мы были очень разные с тобой,
Наверно, бес, играя с нами, путал:
Тебе бывало холодно порой,
Мне было жарко этой же минутой.

Тебя тянул театр и варьете,
Я жил тайгой – рыбалкой и охотой,
И оба, замыкаясь в суете,
Не поняли мы важного чего-то.

К нам приходящего без тщаний и потуг,
Видением иль голосом смиренным,
Когда всё изменяется вокруг
И остаётся как бы неизменным.

Вот почему, лишь стихнет беготня,
Исполни, что сказать хочу сегодня:
Прошу тебя, оставшись без меня,
Поставь свечу к Распятию Господню.

Для нищих мелких денег не жалеЙ.
Могилы близь оставь еды животным.
На даче собери за стол бомжей,
Их напоив до рефлексии рвотной.

А дальше – будь что будет, ты вольна
В своей судьбе на вымысел похожей,
Какие ни настанут времена
И кто с тобою ни разделит ложе.

Я промолчу, я знака не подам,
Живи, пусть станет жизнь твоя вторая
Счастливей, лучше, чем случилось нам,
В семье, что создала ты, дорогая.

Где я с тобою был на всё готов,
Чем бы судьба ни пробовала крепость
Совместных уз при разности полов,
Включая даже мелочь и нелепость.

Поэтому под шорох белых крыл,
Несущих весть печальную до боли,
Прости, коль я не доблагодарил,
И позабудь, коль лишнее позволил.

«Заслуг и идеалов не цена...»

Заслуг и идеалов не цена,
Не важно, был ведомым иль ведущим,
Смахнула жизнь всех живших до меня,
Потом смахнёт меня переживущих.

Любого, всех, труслив он был иль смел,
По истеченью срока иль внезапно,
На карандаш попавший в спецотдел
Или на кичу со статьёй похабной.

Там все равны по чину и делам,
По состоянью разума и духа,
Поскольку всем без исключения там
Земля способна стать нежнее пуха.

«Затишают горькие слова...»

Затишают горькие слова,
Словно волны полосы малайской,
А моя до срока голова
Побелела яблонею майской.

Бег судьбы, её круговорот
Нашей укоризне неподсуден,
Что и для чего ни принесёт
День любой из праздников и буден.

Да, она упрямей и сильней,
Сколько власть перед людьми не прячет,
Горе, кто дружить не хочет с ней,
И беда, раз думает иначе.

Вот и мелят божьи жернова!
И, похоже, никому дела,
Что моя до срока голова
Яблонею майской побелела.

Жаль, плодам не выдастся дозреть,
Кровь всё холодней и холоднее,
Знаю, жить осталось вряд ли треть,
От того, что прожил, не седея.

Но не скрыть ни буквы, ни числа,
Мне другое ближе и дороже:
Счастлив – ты меня не прогнала,
Горд – не изменил тебе я тоже.

«Зачем тебе женщина эта...»

Зачем тебе женщина эта,
Когда при твоей нищете
Не может, в меха разодетой
Пойти отдохнуть в варьете.

И вместо ночных развлечений
Работать должна на семью,
Пока ты – непризнанный гений,
Несёшь чушь и галиматью.

Причём, ни Есенин, ни Бродский
Для жителей этой страны,
С расчётом их жадности плотской,
Задаром и то не нужны.

А ты со стишками своими,
На фоне великих имён,
В сто раз ещё невыносимей
Тем, кто при деньгах и умён.

Смотри, предлагаю тебе я:
Кормить до скончания дней,
И ямбы твои, и хорей
Печатать по воле твоей.

Лишь женщину эту отпустишь
Из липких бессовестных рук
И сменишь столицу на пустошь,
В районе каких-нибудь Лук.

Но если ответишь отказом,
Не выпадет даже роса,
Как будешь ты строго наказан
По полной в теченье часа.

«Зачем ты карими глазами...»

Зачем ты карими глазами
Отметила его из всех,
Притом, что был другою занят,
Пусть и без шансов на успех?

Зачем, когда он, бит и брошен,
Таился, муками томим,
Ты в свежестриженном гавроше
Предстала ангелом пред ним?

Зачем с улыбкою весёлой,
В нём разжигая жизни пыл,
Рукой манила полуголой,
Губами чтоб её ловил?

Зачем с душой своею тонкой
Ты допустила до себя
Картавящего мужичонка,
Чуть тронув, спящего, сопя?

Зачем потом ты год за годом
Терпела выходки его:
Скандал, граничащий с разводом,
Эгоцентризм и хвастовство?

Зачем теперь в платке из крепа,
По выходным к нему придя,
Ты плачешь под безликим небом
Под шёпот снега иль дождя?

«Затрепетал под ветром шарфа кончик...»

Затрепетал под ветром шарфа кончик,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.